

АНДРЕЙ
ВОРОНИН

СЛЕПОЙ

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

Андрей Николаевич Воронин
Слепой. Приказано выжить
Серия «Слепой»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7068591
Слепой. Приказано выжить: Роман.: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086534-5

Аннотация

Преступная группа, похищающая дорогостоящие авто, в качестве очередной жертвы выбирают иномарку, принадлежащую... Глебу Сиверову. Такой выбор заканчивается для бандитов весьма плачевно. Однако не это волнует сейчас спеца Слепого. Он занят особым делом – проверяет достоверность информации о наличии в стране теневого правительства. Ведь если «кукловоды» реально существуют и действуют, то их планы не сулят ничего хорошего будущему России.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Воронин

Слепой. Приказано выжить

© Подготовка, оформление ООО «Харвест», 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Глава 1

Началось все, как обычно, с того, что в шашлычной толстого Мустафы, что на рынке, Клюва разыскал Шамиль. В Ростове было уже по-настоящему тепло, и Шамиль щеголял в белоснежной футболке, на фоне которой его смуглая кожа выглядела еще темнее, делая своего хозяина похожим на уроженца Северной Африки.

Наружность у Шамиля была несерьезная – метр с кепкой, пятьдесят килограммов живого веса, шапка непослушных иссиня-черных волос, истинно кавказский нос, будто украденный нынешним владельцем у кого-то, вдвое превосходящего его габаритами, и густая колючая щетина, покрывающая впалые щеки, и острый, выдающийся вперед, как форштевень эскадренного миноносца, подбородок. Одевался Шамиль там же, где проводил львиную долю своего времени, то есть прямо тут, на рынке, из-за своей суетливой манеры двигаться и беспорядочно жестикулировать во время разговора носил кличку Дерганый и с виду, да и по сути, был шпана шпаной, так что вышедшие за покупками домохозяйки, едва завидев его, мертвой хваткой вцеплялись в свои сумки и кошельки.

При этом Дерганый Шамиль, как и незнакомый ему Андрей Родионович Пермяков, крайне редко открывал рот для того, чтобы поболтать о пустяках. Он всегда имел на примете какое-нибудь дельце, и, беседуя с ним, следовало постоянно оставаться начеку, чтобы не пропустить выгодное предложение или, наоборот, не прохлопать момент, когда этот выжигач начнет тебя облапошивать.

В данном конкретном случае причина появления Дерганого за столиком Клюва была вполне стандартная, что неудивительно: Шамиль являлся признанным авторитетом в своей области, а Клюв – в своей. И, коль скоро речь шла не о приобретении по сходной цене новенького, в упаковке и со всеми документами суперсовременного мобильного телефона (разумеется, либо краденого, либо просто неисправного) или выигрышного лотерейного билета (несомненно, поддельного), то догадаться о цели визита было немудрено. Клюв догадался и не ошибся: Дерганый явился с очередным заказом. Кому-то из его земляков опять понадобилась хорошая машина, чтобы пускать пыль в глаза односельчанам и гробить подвеску, гоняясь за баранами по малоезжим горным проселкам, и Клюв был тем человеком, который мог, не задавая лишних вопросов, удовлетворить это скромное желание.

На этот раз землякам понадобилась «БМВ» седьмой серии – новая, не старше двух лет, в состоянии, близком к идеальному, с кожаным салоном и полным электронным фаршем, непременно черного цвета, без особых примет и, разумеется, с бензиновым двигателем: как говорится, если нет денег на бензин, зачем тебе машина? Документы, товарные чеки, а следовательно, и происхождение автомобиля заказчика, как обычно, не интересовали: ему были нужны хорошие недорогие колеса, а выправить для паленой тачки чистенькую родословную там, в горах, испокон веков было проще простого.

Проверить это дельце можно было и дома, в Ростове, но это было бы то же самое, что выйти на центральную площадь и громко, на весь город, прокричать: «Привет, неприятности! Это я, Клюв! Если понадоблюсь, вы знаете, где меня искать!» По всему выходило, что Клюву и его бригаде предстоит очередная, далеко не первая и, даст Бог, не последняя, командировка в столицу Российской Федерации, город-герой Москву – этот неиссякаемый источник легкой наживы для всякого, кому не лень склониться и подобрать то, что валяется прямо под ногами.

Конечно, неприятности можно найти и там, тем более что новенькая баварская «семерка» – далеко не то же самое, что «жигули» аналогичной модели, и тот, у кого хватило денег на эту ракету с колесами, вовсе не обязательно безответный лох, которому после угона останется уповать только на ментов да страховую компанию. Но Клюв тоже нашел себя не на

помойке; он жил на свете не первый день и до сих пор оставался на свободе исключительно потому, что никогда не действовал наобум.

Вся надежда – опять же, как всегда, – была на закадычного друга детства Пашку Самарина, по прозвищу Паштет, он же Самара, после службы в армии сумевшего зацепиться в Москве и за пять лет дослужившегося аж до старшего сержанта ГИБДД.

Пройдя суровую школу выживания сначала на улицах родного города, а потом в армии, Паштет Самара смотрел на жизнь под правильным углом, свое высокое звание воспринимал как надо, носа перед старыми друзьями не задирали и, когда те нуждались в его посильном содействии, охотно (и, разумеется, не безвозмездно) таковое оказывал.

Схема была наработанная и отличалась простотой, которая, как известно, свойственна всему гениальному. Собрав нехитрые пожитки и назанимав денег у знакомых (давали охотно, потому что долги свои он всегда возвращал с лихвой), Клюв прибыл в столицу, разыскал Самару и при личной встрече объяснил, что именно требуется на этот раз. Самара провел несложные изыскания в полицейской базе данных и уже на следующий день передал Клову бумажку с домашним адресом и установочными данными владельца подходящего под описание транспортного средства. Паштет, как обычно, не подкачал. Машина была что надо, и владелец ее полностью удовлетворял требованиям, предъявляемым грабителем к потенциальной жертве. Мелкий государственный служащий средних лет, он имел проблемы со зрением, из-за которых его даже в разгар полузабытой афганской бойни не взяли в армию; он был никто – собственник стандартной «двушки» в спальном районе, без криминальной биографии и полезных связей – стопроцентный лох, прирожденный терпило, червивый орешек, который Клов рассчитывал расколоть одним щелчком.

Не без труда отыскав свободное местечко на дворовой стоянке по указанному Самарой адресу, Клов припарковал свою «десятку» и приступил к наблюдению. Вызванная по телефону бригада была уже в пути – могучий Хомяк, однажды на спор в одиночку перевернувший вверх колесами старый «уазик», и шустрый, пронырливый Змей, способный умыкнуть барсетку или подрезать лопатник хоть у самого начальника московской полиции. Клов, Хомяк и Змей снова вышли на тропу войны – три танкиста, три веселых друга, готовых составить экипаж любой приглянувшейся им машины.

Приглядывая за подъездом, в котором обитал клиент, и за его припаркованной в соседнем ряду тачкой, Клов по ходу дела разрабатывал черновой план предстоящих действий. Завладеть чужой машиной можно по-разному; способов, если разобраться, не так уж много, и каждый имеет свои недостатки.

Взять, например, банальный угон. Угнать какую-нибудь дряхлую «шестерку» или «москвич» раз плюнуть, но кому нужен этот металлолом? А что до современных иномарок, так в них понатыкано столько всевозможной противоугонной электроники и систем обнаружения, что угон превращается в тонкое искусство, требующее немалых инженерных познаний и солидных материальных затрат на инструменты и оборудование, каких не купишь в магазине бытовой электроники или хозяйственном супермаркете. Дернув такую тачку, как та, за которой в данный момент охотился Клов, угонщик автоматически превращается в гонимого всеми беглеца. Обворованный хозяин мгновенно поднимает тревогу, с орбиты за угнанной машиной следят всевидящие глаза навигационных спутников, на дорогах подстерегают злые гаишники – словом, вся округа в радиусе ста километров моментально превращается в готовый захлопнуться капкан. Краденую машину необходимо немедленно где-то спрятать, и не просто спрятать, а перебить номера на кузове и двигателе, сменить регистрационные знаки, а потом еще долго ждать, пока уляжется пыль. Все это тоже стоит денег, без помощи местных тут не обойдешься, и где гарантия, что ушлая московская братва просто-напросто не кинет провинциальных гастролеров?

Еще тачку можно «отжать» – то есть попросту отнять, вытряхнув хозяина на мостовую, прыгнув за руль и с места дав полный газ. В этом случае возиться с противоугонными устройствами не придется, но все остальное останется в силе, да плюс к тому статья за кражу сразу сменится более тяжелой – за разбой или, как минимум, ограбление, совершенное к тому же по предварительному сговору группой лиц.

На заре своей криминальной карьеры не единожды испробовав оба описанных способа, Клюв давно от них отказался, предпочтя им третий – самый, с его точки зрения, простой и дешевый. Клиента выслеживали – или, выражаясь профессиональным языком, выпасали – и брали в крутой оборот в тот момент, когда он выходил из машины. Стараясь не привлекать постороннего внимания, компаньоны заталкивали хозяина на заднее сиденье машины, вывозили за город и там, на пустыре, в заброшенном карьере или придорожном лесочке, тихо кончали.

От места, где происходило нападение, до упомянутого пустыря или лесочка их обычно сопровождал Самара на патрульной машине, готовый мирно урегулировать возможные разногласия со своими коллегами из ДПС. Разногласий ни разу не возникало, поскольку зажатый между двумя налетчиками хозяин машины с кляпом во рту и пером у горла просто физически не мог поднять тревогу. Пока его родные и близкие начинали о нем беспокоиться, проходило какое-то время; еще больше времени требовалось на то, чтобы внушить эту тревогу ментам и заставить их хотя бы делать вид, что они кого-то ищут. Компаньоны к этому моменту были уже далеко, и поиски неизменно заканчивались ничем: машина вместе с ее владельцем исчезала бесследно и навсегда. Трупы незадачливых автомобилистов иногда находили, но Клюва и его бригаду не нашли ни разу, не говоря уже об угнанных авто.

Обдумывать, таким образом, было нечего. Клюв закурил сигарету и, держа ее в уголке рта, проверил свое снаряжение – баллончик со слезоточивым газом и самодельную заточку, при невнимательном осмотре вполне способную сойти за охотничий нож. Сточенное лезвие было острым, как опасная бритва – Клюв убедился в этом, осторожно проведя по нему подушечкой большого пальца. Лезвие так и впивалось в кожу, норовя проникнуть глубже, через кровь и мясо до самой, мать ее, кости. Не дав ему такой возможности, Клюв убрал нож обратно в карман.

– Погоди, браток, – сказал он ножу, – придет и твой черед.

Табачный дым, лениво извиваясь, льнул к холодному стеклу. Снаружи медленно, будто нехотя, редел серый утренний туман – оседал, один за другим открывая взору этажи обступивших стоянку одинаковых панельных домов, верхушки чахлых дворовых деревьев и разноцветные пластмассовые штуковины, которыми коммунальщики утыкали детскую площадку – какие-то лесенки, качели, горки, песочницы с грибочками и прочие спортивные снаряды, предназначенные для того, чтобы ребягтя получала причитающиеся ей ссадины и ушибы не где попало, а организованно, под присмотром взрослых. Было начало восьмого утра, и сквозь поредевшую молочную пелену над головой уже угадывалось солнце – размытое световое пятно, которое прямо на глазах делалось все ярче, пока на него не стало больно смотреть.

Впрочем, Клюв на него и не смотрел. Солнце, как известно, тоже звезда, а Клюв относился к той категории людей, про которых древняя восточная мудрость гласит: свинья может увидеть звезды, только если ее хорошенько пнуть в рыло.

Клюв не смотрел на солнце, деля свое внимание между железной дверью подъезда и черным «БМВ» седьмой серии, стоящим в соседнем ряду, через четыре машины от его «десятки». Машина казалась матовой от осевших на полированный металл мельчайших капелек росы, которой вскоре предстояло высохнуть: ночная прохлада быстро сменялась дневным теплом. Заметив, что кроны высаженных во дворе деревьев буквально за одну ночь

из голых веников превратились в полупрозрачные зеленые облака, Клюв не без удовольствия подумал: «Скоро лето».

Лето Клюв любил. Яркое солнце, зелень, тепло, ледяное пиво, которое так приятно потягивать, сидя в полуденный зной под навесом открытой веранды кафе толстого Мустафы, загорелые девчонки в мини-юбках, поднимающийся над мангалом, умопомрачительно пахнущий жареным на углях мясом дым, плещущая в пологий травянистый берег речная вода – все это и многое другое Клюв с удовольствием предвкушал, сидя в отсыревшем за ночь, пропахшем застоявшимся табачным дымом салоне своей «лады».

Если хочешь рассмешить Бога, поделись с ним своими планами. Клюв никогда не слышал этой поговорки, а между тем в отношении него она была верна на все сто процентов. Лето действительно было не за горами, но это только половина правды; вторая половина заключалась в том, что, придя в Ростов, Клюва оно уже не застанет.

Без пяти восемь дверь подъезда распахнулась, и оттуда вышел клиент – не один, а в сопровождении какой-то бабы, надо думать, законной жены, потому что для любовницы она была старовата. Впрочем, выглядела дамочка вполне аппетитно, и Клюв при случае не преминул бы продемонстрировать ей кое-какие свои таланты. Приглядевшись внимательнее, он лишь утвердился в первом впечатлении: бабу себе клиент выбрал мировую, и тем приятнее было думать, что случай познакомиться с ней поближе, очень может статься, вскоре представится. Такое уже бывало пару-тройку раз: заказ срочный, риск спалиться присутствует постоянно, и кто при таких условиях станет ждать, когда хозяин машины поздно вечером вернется домой один, без жены?

Сам клиент с виду был мужиком достаточно крепким – выше среднего роста, с прямой спиной, широкими плечами и самоуверенной повадкой коренного столичного жителя, которому море по колено только на том основании, что его папа с мамой вовремя сообразили, с какой стороны на бутерброд намазано масло, и успели это масло слизать. Подобных типов Клюв искренне ненавидел и столь же искренне презирал. А что до широких плеч и внушительных бицепсов, которые красноречиво круглились под тканью рукавов легкой спортивной куртки, так, имея деньги, накачать в спортзале мускулатуру может любой дурак. Вот только проку от всего этого мяса, как правило, никакого: сунул ему, болезному, перышко под нос, он и обгадился...

Словом, если бы у Клюва и имелись какие-то сомнения по поводу способа завладения черной «бэхой», то теперь от них не осталось и следа – то есть не осталось бы, если бы они действительно были. Но сомнений не было и раньше, а вид потенциального клиента не только укрепил ростовского гопника в решимости прибегнуть к излюбленному методу отъема чужой собственности, но и заставил с нетерпением ждать момента, когда этот метод можно будет применить.

Усадив бабу в машину, клиент забрался на водительское место, и черный «бумер» укатил, негромко шурша покрывками по чуть влажному от осевшего тумана асфальту. Подождав, но не слишком долго, чтобы не упустить добычу, Клюв завел остывший мотор и последовал за ним. Поколесив по городу, счастливый (до поры, до времени) владелец скоростной немецкой тачки высадил свою пассажирку недалеко от центра, и та, чмокнув его на прощание в щеку, скрылась за дверью, рядом с которой поблескивала серебром табличка с надписью «Проектное бюро».

Клюв пренебрежительно ухмыльнулся и пожал костлявыми плечами: клиент чем дальше, тем больше укреплял его в нелестном мнении о своей персоне. Тоже мне, олигарх! Разъезжает на новенькой «БМВ», да не какой попало, а на «семерке», а дать своей жене достаточно хрустов, чтобы она не таскалась на работу, а сидела бы дома и полировала ногти, не может. Или не хочет, но это вряд ли: были бы у мужика деньги, а уж способ их отнять баба обязательно найдет. Кто его, очкарика, станет спрашивать, хочет он чего-то или не хочет!

Из проектного бюро клиент поехал не на службу, как можно было ожидать, и не домой, а в туристическое агентство. С учетом приближения лета удивляться тут было нечему. Ничему не удивляясь и беспокоясь только о том, чтобы не кончился бензин, и чтобы какой-нибудь московский ухарь не протаранил на перекрестке его ласточку, Клюв покатыл по пятам за своей потенциальной жертвой.

За первой турфирмой последовала вторая, за второй третья, и так далее. Клиент колесил по центру битых два часа, как будто вознамерился устроить Ключу полноценную экскурсию по Москве, ни в одном из посещенных мест не задержавшись дольше десяти минут. Наконец, черный «БМВ» остановился напротив очередного, седьмого по счету, туристического агентства, в витрине которого виднелся броский плакат, рекламирующий горящие туры в Египет, Турцию, Черногорию и Арабские Эмираты. Здесь очкарик (очки у него были фасонистые, с дымчатыми стеклами, в тончайшей золотой оправе, и почему-то именно они бесили Ключа сильнее всего остального) застрял на добрых полчаса. Ключа это снова не удивило: он уже убедил себя, что имеет дело со слизняком, не стоящим доброго слова (такая убежденность очень удобна, когда собираешься кого-нибудь ограбить и убить), и скупость, понуждающая этого жлоба литрами жечь дорогой бензин в поисках уцененной путевки, отлично вписывалась в нарисованный воображением Ключа несимпатичный портрет.

Выходя из агентства, клиент спрятал во внутренний карман пиджака пестрый продолговатый конверт – надо понимать, ту самую путевку, в поисках которой исколесил пол-Москвы. Клюв слегка обеспокоился: конвертов могло быть и, скорее всего, было не один, а два, из чего следовало, что потенциальный терпило вознамерился временно откочевать в теплые края – вероятно, с женой, возможно, с любовницей, но уж точно не один. Впрочем, Клюв быстро успокоился: никто не приобретает туры прямо в день вылета. Какое-то время у них с пацанами наверняка еще было, а значит, безмятежный отдых на берегу теплого моря очкастому лоху не светил. Что ему светило наверняка, так это неглубокая могилка на дне песчаного карьера, а то и просто мусорная куча на окраине загородной свалки.

Из туристической фирмы клиент направился прямо домой. Клюв немного подождал на стоянке, шаря глазами по выходящим во двор окнам. Затея, казавшаяся безнадежной, себя оправдала: через десять минут очкарик появился в лоджии на третьем этаже. Одет он был по-домашнему, в застиранную линялую фуфайку (нижнюю половину его организма скрывало ограждение лоджии, но было нетрудно догадаться, что она упакована во что-то столь же демократичное – растянутые треники, старые шорты, а то и просто сатиновые семейные трусы); в правой руке он держал вместительную фаянсовую кружку, в левой дымилась сигарета. На дворе стоял полдень четверга, из чего следовало, что очкарик находится в отпуске. Это было не так, чтобы очень хорошо: полная свобода передвижений, которой располагает отпускник на скоростной иномарке, сулила некоторые осложнения. Но Клюв не стал особенно на этом заморачиваться, поскольку давно усвоил: просто только кошки родятся, а если хочешь срубить денег, иногда приходится попотеть.

Вылебав то, что было в кружке, и докурив сигарету, клиент покинул лоджию. Смотреть стало не на что, торчать во дворе на солнцепеке было глупо и скучно; кроме того, у Ключа еще имелись дела. Временно предоставив очкарика его судьбе, Клюв перекусил в чебуречной за углом, а потом, благо, время как раз пришло, смотался на вокзал и снял с ростовского поезда своих орлов.

Вернувшись во двор, они обнаружили черный «БМВ» на прежнем месте.

– Нормальная тачка, – дыша перегаром, оценил объект предстоящего гоп-стопа тучный Хомяк.

– Дернем на раз, – вставляя в уголок шербатого рта сигарету, уверенно заявил Змей.

Клюв принялся, но спиртным от Змея не пахло. Это было хорошо, поскольку вести угнанную машину предстояло именно ему.

– Напьемся – разберемся, – слегка осадил подельников Клюв, сочтя бесполезным проявить приличествующие лидеру организованной преступной группировки рассудительность и осторожность. – Пасем по очереди, первый Хомяк. Смотри, толстый, закемаришь – глаз высосу!

Отдав, таким образом, все необходимые распоряжения, он под обиженное бормотание Хомяка скрестил на груди руки, поудобнее устроился в водительском кресле, откинулся на подголовник и с удовольствием закрыл глаза.

* * *

С третьего этажа припаркованная на дворовой стоянке «Лада» десятой модели была видна как на ладони. Запыленный кузов цвета «электрик» – то бишь, бледно-золотистого с эдакой легкой прозеленью – тускло поблескивал в лучах уже перевалившего через зенит солнца. Номер региона на регистрационном знаке был не московский, и это казалось Глебу Сиверову самым странным из всего, что произошло с ним за эти суматошные полдня.

Допив кофе и выкурив почти до фильтра первую за день сигарету, он вернулся из лоджии в комнату и присел за стол перед компьютером. Вводя в строку поисковика соответствующий случаю запрос, он поймал себя на мысли, что, как и большинство жителей так называемого цивилизованного мира, с годами стал все больше зависеть от интернета. Раньше, чтобы удовлетворить свое любопытство, ему пришлось бы рыться на книжных полках, в папках с газетными вырезками или кому-то звонить. Теперь же, чтобы получить ответ на любой вопрос, не выходящий за рамки обыденных представлений, достаточно просто погрузиться в мировую информационную сеть. То же касается и развлечений. Бумажные книги умирают, литературные журналы закрываются один за другим – зачем покупать где-то и нести домой то, что можно получить бесплатно, всего лишь пару раз щелкнув кнопкой компьютерной мыши? Даже телевизор, некогда грозивший заменить собой все, сколько их есть, способы развлечься, сегодня многими воспринимается в лучшем случае как придаток персонального компьютера – просто большой монитор, на котором удобнее смотреть скачанные из сети фильмы и ролики. Вслед за эпохой ресторанов быстрого питания наступила эра интеллектуального фастфуда – дешевого, легко доступного, вызывающего почти мгновенное привыкание и такого же пагубного для ума, как пепси и гамбургеры для желудка.

Тем не менее, для решения простых, не требующих вдумчивого подхода вопросов интернет незаменим – так же, как фастфуд незаменим, когда нужно быстро, на ходу, утолить голод. Ответ нашелся быстро, и, отыскав в таблице нужную строку, Глеб удовлетворенно кивнул: память не подвела, «Лада» цвета «электрик» действительно прикатила в столицу из Ростова.

Встав из-за стола, Сиверов подошел к окну и выглянул во двор. Предмет его размышлений на стоянке отсутствовал: надо полагать, старая домашняя фуфайка, кружка кофе и сигарета произвели на водителя именно то впечатление, которое старался создать Глеб.

– Одесса-мама, Ростов-папа, – задумчиво пробормотал агент по кличке Слепой, глядя на пустой прямоугольник асфальта, еще пару минут назад занятый машиной загадочного преследователя. – Что за притча?

Это действительно была притча, причем весьма странная. Хвост за собой Глеб заметил еще утром, когда отвозил Ирину на работу. Дав пару ненужных крюков, которые объяснил жене якобы прослушанным по радио сообщением о поджидающих впереди пробках, он убедился, что «десятка» с провинциальными номерными знаками увязалась за ними не случайно. Ее водитель старался действовать аккуратно, и простой обыватель его бы почти наверняка не заметил, а если бы заметил, то решил бы, что это обычное совпадение. Но Глеб Сиверов простым обывателем не являлся и не имел права на такую роскошь, как благополу-

шие. Давным-давно, в счастливом полузабытом отрочестве, когда еще не мог даже предположить, кем станет, когда повзрослеет, он прочел в одной книге мысль, правоту которой до конца осознал только через много лет. Некий коллега агента по кличке Слепой, сотрудник спецслужб из далекого будущего сказал примерно следующее: если вдруг запахнет серой, мы должны не рассуждать о природных аномалиях, а предположить, что где-то поблизости объявился черт, и немедленно наладить массовое производство святой воды.

От золотистой в прозелень «десятки» отчетливо разило серой, и, еще ничего не зная наверняка, Глеб принял решение и начал неуклонно претворять его в жизнь. Уже после первого контрольного крюка, когда стало ясно, что увязавшаяся за ним во дворе «Лада» не намерена отставать и теряться в транспортном потоке, он легкомысленным тоном завел разговор о том, что работа – это, конечно, хорошо, но надобно и честь знать. Труд сделал из обезьяны человека, но он же превратил его в лошадь; кони, как известно, от работы дохнут, а право гражданина на отдых закреплено за ним основным законом страны – Конституцией Российской Федерации.

Слушать подобные рассуждения Ирине было не впервой, и секунд через тридцать или около того она перебила мужа, сказав:

– Если бы только знал, как я от всего этого устала!

Разговор принимал крайне нежелательный оборот, но деваться было некуда: пойти на попятный Глеб не мог. Статус свободного агента не только наделяет человека весьма широкими полномочиями, но и возлагает на него полную ответственность за все, что происходит с ним и его близкими. В воздухе пахло серой, а планы на вечер не подлежали пересмотру. Глеб не без оснований рассчитывал, что в одиночку сумеет управиться и с работой, и с непонятной, но явной угрозой, которую таила в себе «Лада» цвета «электрик». Но вот Ирина в это уравнение никоим образом не вписывалась, и ее следовало вывести за скобки, со всей возможной быстротой удалив из Москвы на как можно большее расстояние. В противном случае данное арифметическое действие могли произвести математики, пославшие следить за ним эту чертову «десятку», и Глеб не сомневался, что на этом они не остановятся. Умножить его самого на ноль и навсегда сбросить со счетов – такова, вероятнее всего, была конечная цель затеваемого мероприятия.

Поэтому вместо ответа он лишь поправил на переносице темные очки, чтобы те полностью скрыли глаза, повернулся к жене лицом и одарил ее лучезарной белозубой улыбкой, такой широкой и открытой, что в ее карикатурности не усомнился бы даже бегемот.

Кожа у Ирины Быстрицкой была намного тоньше, чем у бегемота, и намек она поняла превосходно, как и то, что спорить бесполезно. Но она не была бы женщиной, если бы не предприняла хотя бы слабую попытку, и попытка была предпринята.

– Что у тебя опять стряслось? – спросила Ирина. – Неужели без этого нельзя обойтись?

– Никак нельзя, – проникновенно сказал Глеб, поверх темных очков косясь в зеркало заднего вида, где наблюдалась все та же знакомая до отворачивания картина. – Понимаешь, совсем забыл тебе сказать, что назначил свидание одной сногшибательной брюнетке...

– Ну и ступай на свое свидание, – без видимого энтузиазма включилась в предложенную мужем игру Ирина. – А я дома подожду. Привыкать мне, что ли?

– А из ресторана я ее куда поведу – в гостиницу? Это ж дорого! – возмутился Сиверов.

– Он еще и скряга, – неизвестно кому пожаловалась Ирина. – Тоже мне, герой-любовник! Когда? – спросила она, помолчав.

– Лучше бы прямо сейчас, – честно ответил Глеб. – А еще лучше позавчера. Но, щадя нервную систему твоего любимого шефа, даю вам время на утряску формальностей, скажем, до семнадцати ноль-ноль.

Ирина не возразила. Она могла возразить, а могла и просто не подчиниться, поступив по-своему, как уже делала пару-тройку раз за долгие годы их супружества. Каждый раз

такая самостоятельность выходила боком им обоим, и, если воспоминания о тех случаях начинали блекнуть, Ирине было достаточно взглянуть на обнаженный торс мужа, чтобы они снова заиграли яркими, натуралистичными красками. Потому что среди внушительного количества шрамов от пулевых и ножевых ранений, коими мог похвастаться Глеб, имелось несколько меток, полученных при освобождении взятой в заложницы супруги. Любая из этих дырок могла оказаться смертельной, и, помня о них, Ирина проглотила готовые сорваться с языка сердитые слова.

На этом, собственно, и строился расчет. Убедившись, что вопрос решен, Глеб перестал выписывать вензеля по запруженному транспортом центру и кратчайшим путем погнал машину к проектному бюро. Золотистая «десятка» стойко держалась у него в кильватере, хотя, судя по номерным знакам, это должно было стоить водителю-провинциалу нечеловеческих усилий. Впрочем, несмотря на свой оперативный псевдоним, Глеб был не настолько наивен, чтобы слепо доверять регистрационным номерам, паспортам, удостоверениям и прочим биркам, которыми государство щедро обвешивает людей и их имущество, чтобы было легче разобраться, кто есть кто.

В течение пяти минут, потребовавшихся, чтобы преодолеть остаток пути, разговор представлял собой непрерывный монолог Слепого. Он был густо пересыпан названиями и краткими описаниями архитектурных красот старушки-Европы, которые Ирина, как любой уважающий себя зодчий, была просто-таки обязана время от времени созерцать воочию. Внимательный слушатель, впрочем, мог без труда заметить, что это не столько рекламная речь туристического агента, пытающегося всучить клиентке залежалый тур, сколько инструктаж, какой проводят перед засылкой резидента-нелегала в глубокий тыл противника. Ирина была внимательным слушателем, но ей вовсе не нужно было что-то такое замечать: она и так знала, что расширение ее эстетического кругозора заботит мужа в самую последнюю очередь – по крайней мере, в данный момент.

Глеб знал, что она это знает, и она знала, что он знает, что она знает, и в видимости полного согласия, в полном соответствии с поговоркой, гласящей, что худой мир лучше доброй ссоры, они добрались до конечной точки маршрута. Получив на прощанье холодноватый поцелуй в требовательно подставленную щеку, а вместе с ним и относительную свободу, Глеб осмотрелся.

Уже успевшая сделаться ненавистной «десятка» маячила в зеркале заднего вида, будто нарочно, чтобы привлечь к себе максимум внимания, моргая оранжевыми огоньками аварийной сигнализации. Водитель, похоже, и впрямь был из провинции: проехать мимо остановившегося «БМВ» Сиверова он не рискнул, опасаясь, что тот развернется и укатит в обратном направлении, а потому припарковался в неполюбованном месте, заблокировав выезд со стоянки сразу трем машинам. Глеб не без труда отказался от заманчивой идеи задержаться здесь подольше. Московские автомобилисты – народ нервный, вспыльчивый, и, если кто-то из владельцев заблокированных авто вернется, водителю «десятки» мало не покажется. Слово за слово, и на свет Божий, как по щучьему велению, явится бейсбольная бита, а то и травматический ствол.

Но время было дорого, и Глеб пожертвовал невинным развлечением ради насущных, не терпящих отлагательства дел. Инструктируя Ирину, он работал не только языком, но еще и мозгами – не разрабатывал план действий, а выбирал из имеющихся вариантов тот, что лучше других подходил к ситуации. Выбор был сделан, и, когда за Ириной закрылась дверь бюро, Сиверов сразу же тронул машину с места.

В первой же туристической фирме, которую посетил, он забронировал билет на вечерний рейс до Вены. Затем, сделав главное, устроил своему провожатому небольшой ознакомительный тур по всем, какие только знал, аналогичным заведениям, расположенным поблизости от центра города. Во время одной из остановок, выглянув из окна второго

этажа, где расположился офис турфирмы, он впервые разглядел своего преследователя во всей красе. Им оказался долговязый и сутулый субъект лет тридцати с небольшим. С виду он целиком, от подошв поношенных кроссовок до надвинутой на самые брови матерчатой кепки, казался провинциальным гопником девяносто шестой пробы, и это, откровенно говоря, немного сбивало с толку. Выйдя из машины, он озабоченно пинал носком кроссовка переднее колесо, дымя при этом сигаретой и разговаривая с кем-то по мобильному телефону. У Глеба возникло желание позвонить генералу Потапчуку и спросить, не его ли это фокусы, но он быстро передумал. Если бы Федор Филиппович приставил к нему хвост и хотел, чтобы Глеб об этом знал, он предупредил бы заранее. А если не хотел, то и спрашивать бесполезно – все равно не скажет. К тому же соглядатая, приставленного шефом, было бы не так просто засечь. Да и потом, зачем Потапчуку следить за своим лучшим агентом?

Значит, это был кто-то другой. Для Глеба Сиверова слово «другой» автоматически означало «чужой» – неизвестный пока противник, враг, явившийся явно не затем, чтобы презентовать ему два билета в филармонию на вечер симфонической музыки. Выданные в провинции регистрационные номера и нелепый, не по возрасту, «хулиганский» вид преследователя могли представлять собой все что угодно – например, маскировку или попытку (к слову, довольно-таки успешную) вывести Глеба из душевного равновесия.

В свете запланированного на сегодняшний вечер мероприятия происходящее выглядело более чем скверно: это была почти катастрофа.

В седьмом по счету туристическом агентстве Глеб решил, что представление пора заканчивать. Изобилующий зигзагами и петлями круговой маршрут, которым он двигался, был тщательно, насколько это позволяли обстоятельства, продуман, и привел он именно туда, куда следовало: в мелкую, отчаянно бьющуюся за место под солнцем фирму, промышленную скупкой у более удачливых конкурентов и перепродажей с минимальной выгодой для себя горящих туров на популярные среди россиян со средним достатком морские курорты.

Здесь он не спеша выбрал и оплатил путевку в Черногорию, продиктовав служащей паспортные данные жены, которые среди всего прочего надежно хранились в его памяти. Девушка, оформлявшая путевку, казалось, была готова заплакать от счастья и избегала лишнего раз взглянуть на Глеба, боясь спугнуть удачу, а представительная дама, что сидела за столиком с табличкой «Директор», лично приготовила и подала ему кофе, оказавшийся, к его удивлению, вполне удобоваримым. Понять их было несложно: клиента, который без единого слова протеста, даже не торгуясь, покупает тур прямо в день вылета, надлежит носить на руках, сдувая с него пылинки. Глеб нарочно держал красочный конверт с путевкой на виду, пока не очутился на улице, и только там, на глазах у своего сопровождающего, неторопливо убрал его в карман.

Он был доволен: оставленный им ложный след был шириной с колею от карьерного самосвала, и не заметить его мог разве что слепой от рождения. Билет до Вены был забронирован на чужое имя, и обнаружить ЭТОТ след мог только очень грамотный профессионал, и то далеко не сразу и при большом везении. Оба рейса вылетали из одного аэропорта с разницей в полчаса, так что Ирина, кажется, наконец-то была в безопасности.

«Будет, – поправил себя Глеб, – когда самолет оторвется от земли».

Вернувшись домой (естественно, в сопровождении почетного эскорта), он переоделся, зарядил кофеварку и, пока та нагревалась, выкопал из потайного сейфа загранпаспорт с открытой шенгенской мультивизой, фотографией Ирины и анкетными данными какой-то незнакомой и, вероятнее всего, никогда не существовавшей Анастасии Сверчковой. Госпожа Сверчкова была персоной вымышленной, зато в подлинности паспорта не усомнился бы даже самый придирчивый пограничник, поскольку тот был самый что ни есть настоящий, оформленный по всем правилам.

Тут все было в порядке, но вот отсутствие на стоянке знакомого авто с ростовскими номерами теперь казалось едва ли не более подозрительным, чем раньше – его присутствие. Глеб корил себя за то, что, заметив слежку, повез Ирину прямо на работу. Если им занялись какие-то серьезные люди – а с несерьезными он не имел никаких дел уже очень давно, – этот прокол мог дорого ему обойтись.

Он позвонил Ирине, спросил, договорилась ли та об отпуске, и как бы между делом попросил не выходить из бюро и ни при каких обстоятельствах не вступать в контакты с незнакомыми людьми. Говорил он все тем же легкомысленным, игривым тоном, каким болтают о пустяках, но Ирина, как обычно, поняла его с полуслова. В ее голосе отчетливо слышался неприязненный холодок; ощущение было такое, словно Глеб приложил ухо не к телефонной трубке, а к замочной скважине, из которой тянуло острым ледяным сквознячком. Это был ветерок, предвещающий большую грозу, но Глеб не особенно расстроился. Способность сердиться и ссориться свойственна только живым людям, мертвецы не обижаются и никому не предъявляют претензий. Пусть себе дуется, главное, чтобы была жива и здорова.

Успокоившись, хотя и далеко не до конца, он приступил к сборам. Старый дорожный чемодан Ирины отыскался на антресолях, куда был сослан ввиду почтенного возраста и сомнительной, с какой стороны ни глянь, ярко-розовой окраски. Данный аксессуар был приобретен когда-то давно по необходимости на черноморском курорте, где Глеб старательно делал вид, что приехал с женой на отдых, а Ирина не менее старательно притворялась, что верит в сказки. Прямо в день отъезда у ее чемодана оторвалась ручка; искать мастерскую было некогда, а в местном универмаге удалось купить только это розовое с хромированной отделкой чудовище. Таких там была целая полка, как будто администрация торговой точки получила из надежного источника известие о предстоящем массовом нашествии фанатов куклы Барби. В употреблении чемодан побывал всего один раз, и кричащая расцветка была его единственным недостатком по сравнению с другими аналогичными изделиями. Когда Глеб стер с него копившуюся на протяжении доброго десятилетия пыль, он стал, как новенький. В глазах людей, обладающих хотя бы крупницей вкуса, он должен был слегка компрометировать хозяйку. Зато ни у кого, независимо от уровня образованности и эстетических пристрастий, не могло возникнуть и тени сомнения в том, что чемодан этот женский, и что мужчина может нести ЭТО по улице с одной-единственной целью: как можно скорее, пока кто-нибудь не заснял на камеру мобильного телефона, передать законной владелице. Ну, или выбросить на ближайшую помойку.

Попытки угадать, что именно женщина захочет или, напротив, не захочет надеть в той или иной ситуации, всегда были делом безнадежным. Поэтому, упаковывая чемодан, Глеб ограничился минимумом самых необходимых вещей и косметики. Увесистая пачка пестрых, как конфетные обертки, евро должна была с лихвой компенсировать недостающее, а процесс компенсации обещал хотя бы частично исцелить душевную рану, нанесенную Ирине нынче утром.

Закончив сборы, которые, как он чувствовал, впоследствии не раз будут ему припомнены, Глеб приготовил еще одну чашку кофе и не спеша выпил ее, стоя у окна кухни и глядя из-за занавески во двор. Предчувствие его не обмануло: когда в чашке осталось на пару глотков, в конце длинного, затененного старыми липами и тополями проезда показалась знакомая «десятка». Водитель загнал ее на то же место, с которого уехал чуть больше часа назад. Он вернулся не один: рядом с ним кто-то сидел, а когда машина поворачивала, въезжая на парковку, Глеб разглядел, что и сзади сидит как минимум еще один человек.

Сказавши: «О!», Сиверов позвонил жене и убедился, что с ней все в порядке – настолько, разумеется, насколько это вообще возможно при сложившихся обстоятельствах. Время, между тем, не стояло на месте. Асфальт во дворе расчертили косые тени, которые становились все длиннее; вслед за тенями деревьев медленно, но верно ползла, ширясь и

густея, тень соседнего дома. К половине четвертого она накрыла парковку со стоящей на ней «Ладой», из приоткрытых окон которой клубами валил табачный дым. «Чудеса», – про-бормотал Глеб, наблюдая это природное явление. Беспечная наглость тех, кто за ним следил, и впрямь граничила с чудом; если это были профессионалы, в чем Глеб сомневался чем дальше, тем сильнее, то их задачей наверняка было не столько наружное наблюдение, сколько оказание давления на психику. Это означало, что выполнение задания находится под угрозой. Умнее всего сейчас было бы отменить запланированную на вечер акцию, но Глеб знал, что такая отмена сведет на нет плоды двухмесячной кропотливой работы, а другого такого случая может просто не быть.

Поэтому он сполоснул и поставил в сушилку чашку, быстро принял душ и оделся для выхода. Его появление во дворе с ярко-розовым чемоданом на колесиках вызвало в «десятке» сдержанный фурор: краем глаза он видел, как пассажир на переднем сидении растолкал задремавшего водителя, а тот, что сзади, даже немного опустил пыльное стекло, чтобы лучше видеть. Глебу вдруг захотелось хихикнуть: в таком дурацком положении он не оказывался уже давненько. Потом он представил, как в щель приоткрытого окна просовывается ствол автомата, и веселье как рукой сняло. Вспомнился приключенческий фильм, главный герой которого лихо побеждал полчища врагов, прикрываясь от пуль бронированным чемоданом. Чемодан, который волок за ручку Глеб Сиверов, бронированным не был – увы, увы. Зато его дикая расцветка вкупе с предыдущей поездкой по туристическим бюро и тем обстоятельством, что чемодан был один, могла навести и, скорее всего, навела экипаж зеленовато-золотистой «Лады» на правильные мысли. Правильными же, с точки зрения Слепого, в данной ситуации были те мысли, которые он старался внушить своим неизвестным оппонентам.

Стрелять в него никто не стал. Покосившись в сторону «десятки» из-под темных очков, Глеб сумел неплохо рассмотреть людей, чье присутствие целый день не давало ему покоя. Их действительно было трое. За рулем, как и прежде, сидел уже знакомый ему неприятный тип с наружностью мелкого провинциального уголовника. Рядом, практически полностью загородив правое переднее окно, громоздилась обтянутая майкой легкомысленной расцветки мясистая туша, увенчанная коротко остриженной, крупной, как спелая тыква, и такой же круглой головой. На заднем сидении нетерпеливо ерзал третий член экипажа – тощий, остролицый и белобрысый гуманоид лет двадцати с хвостиком. Определить длину хвостика на таком расстоянии не представлялось возможным, да это и не имело значения. Все трое старательно и неумело делали вид, что Глеб с его чемоданом их ни капельки не интересует. Вид у этой троицы был до того непрофессиональный, что, загружая розовое чудище в багажник «БМВ», Глеб с трудом удержался от того, чтобы изумленно пожать плечами: чудны дела твои, Господи!

Он еще раз внимательно прислушался к своим ощущениям. Ощущения за последние несколько минут ничуть не изменились, оставшись прежними: чушь собачья, бред сивой кобылы. Бесспорно, любая из действующих в России спецслужб, любое частное охранное или детективное агентство – словом, любая серьезная контора, в поле зрения которой по той или иной причине мог попасть агент по кличке Слепой, – с целью оказания на него психологического давления и срыва намеченной на эту ночь операции могла отыскать в своих рядах необходимое количество грамотных профессионалов, которые при некотором старании могли сойти за троицу провинциальных гопников. Такая комбинация выглядела чересчур громоздкой, но невозможной вовсе не представлялась. То, что для одного является конечной целью, по достижении которой можно рапортовать начальству об успешном выполнении задания, для кого-то другого лишь промежуточное и притом далеко не главное звено в цепочке, что, петляя, извиваясь и поминутно исчезая из вида, протянулась от горизонта до горизонта. И, неожиданно для себя замечая какой-то из этих прихотливых извивов,